

Я.И. Свирский

Индивидуация в сложностно-организованном мире*

Термин «сложностность» (встречающийся, например, в переводе на русский язык книги Кастельса «Информационная эпоха: экономика, общество и культура»), в его отличии от определения «сложное», часто вызывает некое недоумение. И чтобы как-то прояснить нюансы, которые позволяют различить эти два термина, уместно, на наш взгляд, обратиться к тому, как разводит традиционную и синергетическую интерпретации функционирования мозга Герман Хакен. Причем такие интерпретации, как кажется, выходят далеко за рамки тех задач, какие ставит перед собой немецкий исследователь. Хакен в форме таблицы противопоставляет понятия, относящиеся, соответственно, к традиционному и синергетическому видению природных объектов. Приведу не полностью этот список: отдельный элемент – ансамбль элементов; действия локализованы – действия делокализованы; энграмма – распределенная информация; алгоритм – самоорганизация; действие определяется детерминистическими событиями – действие определяется детерминистическими и случайными событиями; функционирование устойчиво – функционирование вблизи потери устойчивости; и т. д.¹. По-видимому, не будет большой натяжкой предположить, что первые термины приведенных пар характеризуют именно «сложно» понятый мир – мир Платона, Декарта, Лейбница, Гегеля, а также Ньютона, Лапласа, Кельвина, т.е. мир, в

* Работа выполнена при поддержке РГНФ, грант № 12-03-00443.

¹ Хакен Г. Принципы работы головного мозга. М., 2001. С. 16.

котором предполагается наличие некоего Единого, некоего центра, или «демона», организующего его движения и развитие. Вторые термины указывают на нечто иное, на другое отношение к наличной реальности. Здесь уместно вспомнить определение синергетики, данное Ю.Даниловым и Б.Кадомцевым: *X-наука*². Именно такая *X-наука* указывает на возможность особого видения мира, каковому, по-видимому, и следует приписать эпитет «сложностное».

Можно предположить, что здесь мы имеем дело с особым типом научных исследований, внешне вписывающихся в дискурс фундаментальной науки, но, тем не менее, удерживающих в себе некий особый вектор, радикально расходящийся с фундаментальным. И тогда – для прояснения термина «сложностность» – имеет смысл обратиться к стратегиям французского философа Жюль Делёза, также разводящего два типа научных подходов к миру. Делёз, вместе со своим соавтором Феликсом Гваттари, в книге «Тысяча плато» различает королевскую и номадическую науки, учитывая, что историю последней довольно трудно проследить. Относительно номадической науки Делёз и Гваттари пишут так: «Характеристики этой эксцентричной науки могли бы быть следующими: 1) Прежде всего, она использует гидравлическую модель, а не теорию твердых тел, рассматривающую жидкости лишь как частный случай.... – 2) Это – модель становления и неоднородности, она противоположна устойчивому, вечному, тождественному, постоянному. Такой “парадокс” превращает само становление в модель, становление перестает быть вторичной характеристикой, копией... – 3) Мы уже идем не от прямой линии к ее параллельным в ... ламинарном потоке, а от криволинейного отклонения к формированию спиралей и турбулентностей на наклонной плоскости – наибольший склон для наименьшего угла [*клинамен*]. ... Такая модель является турбулентной, она действует в открытом пространстве, где распределяются вещи-потоки, а не расчерчивает закрытое пространство для линейных и твердых вещей... – 4) Наконец, эта модель проблематична, а не теорематична – фигуры рассматриваются только с точки зрения *аффектаций*, приключающихся с ними: деления, удаления, присоединения, прогнозирования. Мы движемся не от рода к его видам посредством специфических различий,

² Данилов Ю.А., Кадомцев Б.Б. Что такое синергетика? // Нелинейные волны. Самоорганизация. М., 1983.

не от устойчивой сущности к вытекающим из нее свойствам, а от проблемы к происшествиям, обуславливающим и разрешающим ее. Тут присутствуют любые виды деформаций, трансформаций, переходов к пределу, действий, где каждая фигура обозначает некое «событие», а вовсе не сущность: квадрат уже не существует независимо от квадратуры, куб – от кубатуры, прямая линия – от выпрямления. В то время как теорема принадлежит рациональному порядку, проблема является аффективной, она неотделима от метаморфоз, зарождений и созиданий в самой науке»³. Такие характеристики также указывают на особое отношение к современному пониманию научной деятельности, связанное, в частности, с технаукой, совмещающей в себе фундаментальные и прикладные исследования.

Что касается прикладных направлений в науке, то тут уместно, на мой взгляд, вспомнить о штудиях Гуссерля, касающихся «примитивного состояния геометрии»⁴, где речь идет о еще не оформленных геометрических сущностях. Такая геометрия не является «точной», но, тем не менее, она строга. И подобная строгость отсылает к перспективам именно прикладной – инженерной – деятельности, где присутствуют определенные люфты, позволяющие варьировать данные, получаемые из фундаментальных исследований. И именно принятие того, что «номидическая наука» присутствует наряду с фундаментальной («королевской»), но несводима к последней, позволяет нам понять отношение между наукой и техникой, наукой и практикой. И такое отношение выступает как постановка проблемы. Фундаментальное исследование выступает как проблематическое в прикладной сфере. И это является, по-видимому, одной из характеристик сложностного восприятия природы.

Итак, «сложное» и «сложностное» отношение к миру подразумевает разные способы формализации: первый направлен на построение теорий (верифицируемых или фальсифицируемых), второй – на постановку проблем (превращаемых или не превращаемых в решаемые задачи). Между такими способами имеется качественное различие: первый говорит о том, что мир

³ Делёз Ж., Гваттари Ф. Тысяча плато. М., 2010. С. 604, 605.

⁴ Гуссерль Э. Начало геометрии // Гуссерль Э. Деррида. Начало геометрии. М., 1999. С. 234.

представляет собой некое устойчивое образование, второй имеет в виду динамическое, становящееся восприятие мира, первый опирается на модель «форма–материя», второй – на модель «сила–материал», первый ориентирован на наличие определенного плана действий, второй – на перманентный поиск и становление здесь и теперь уникального результата, не сводимого полностью к предшествующим исследованиям, т. е. первый направлен на «воспроизводство», второй – на «становление». И дело не в том, что «сложностный» мир предполагает иррациональные действия. Последние выступают в качестве таковых лишь тогда, когда выходят из употребления и обретают «абстрактный», «духовный» характер, когда отрываются от конкретного разрешения тех проблем, какие ставит не сложный, но сложностный мир. И, конечно же, здесь речь идет о некоем приблизительном знании, знании, кое приближается к эталону, извне заданному фундаментальным дискурсом, но, принципиально не достигающем последнего. И такая недостижимость разрешает себя в технических исполнениях. То есть техническая реализуемость является критерием строгости номадической науки, призванной выразить сложностный характер мира.

Наконец, различие между «сложным» и «сложностным» можно свести к ставшему уже классическим различию между интеллектом и интуицией, введенному Бергсоном, когда интеллект нацелен на формальное разрешение проблем, а интуиция – на саму постановку проблем, задающую качественный характер познавательной деятельности.

И здесь мы подходим к важному моменту, касающемуся роли техники в становлении тех ситуаций, какие определяют положение человека в сложностно организованном мире посредством конвергентного движения научного и философского (социо-гуманитарного) дискурсов. И чрез призму так поставленной проблемы все предыдущее повествование выступает как различение параметров определенных экзистенциальных характеристик человеческого бытия-в-мире. И именно вычленение подобного рода характеристик, по-видимому, непосредственным образом связано с проблемой индивидуации в свете «номадического» (или сложностного) видения мира.

* * *

Как раз в этом пункте, на мой взгляд, уместно обратиться к фигуре крупного французского философа Жильбера Симондона, чьи концепции оказали большое влияние на Ж.Делёза. Причем творчество Симондона еще только предстоит осваивать отечественной философии. И такое освоение предполагает немало трудностей именно в силу особенностей той позиции, какую занимает Симондон в поле философского дискурса. «Мысль Симондона уходит от четкого разделения технического знания и гуманитарной науки: с самого начала, будучи студентом престижной Эколь Нормаль, Симондон изучает философию и электронику одновременно, а затем длительное время остается “вне философии”, заняв пост преподавателя психологии. При жизни труды Симондона не встретили должного отклика в интеллектуальной среде»⁵. Однако сегодня нередко можно услышать, что Симондон является чуть ли не единственным, кто в шестидесятые годы прошлого века осознал, что суть современной цивилизации задается общей характеристикой технических объектов, ежечасно внедряющихся в нашу повседневную жизнь; а также он разработал концепцию, согласно которой термин «Ното» указывает на жизнь и человека, и животных, и технических объектов, глубоко прочувствовав, что эти три темы тесно связаны. Различие состоит лишь в том, что техника развивается согласно намерениям, целям и средствам, а живое – это некая спонтанная, самоорганизующаяся, естественная машина.

Но сразу оговоримся, что данная статья не предполагает ни анализа творчества Симондона, ни исследование влияния последнего на Делёза, ибо ориентирована на несколько иные цели. Поэтому я буду использовать лишь некоторые сюжеты, связанные с темой индивидуации, поднятой Симондоном и подхваченной Делёзом, ради того, чтобы хотя бы нащупать те особенности, какими обладает упомянутое сложностное восприятие мира.

Начнем с того, что Симондон, рассматривая живые существа, различает субстанциализм и гиломорфизм. Субстанциализм определяется им в качестве некоего монизма, постигающего единство живого существа как его сущность, а потому критиковать послед-

⁵ Скопин Д. Мембрана и жизнь в складках: Жильбер Симондон и Жиль Делёз // Синий диван. М., 2011. № 16. С. 237.

ний Симондон считает даже излишним. Основной критике подвергается гиломорфизм, рассматривающий индивидуума как особое произведение, возникающее из соединения формы и материи, принимая в расчет то обстоятельство, что принцип индивидуации действует здесь независимо от активности самого индивида. То есть, согласно Симондону, современному мышлению не хватает такой концепции онтогенеза, каковая рассматривалась бы как «становление». Считается, что в модели гиломорфизма, актуальный процесс не способен предъявить собственный принцип, а лишь вкладывает его в следствие-эффект. «То, что игнорирует гиломорфическая схема, определяя форму и материю как два отдельных термина, – так это процесс непрерывной “модуляции”, работающий позади них. Материя никогда не является простой или гомогенной субстанцией, способной к получению форм, она сделана из интенсивных и энергетических *черт*, кои не только делают такое действие возможным, но и непрерывно изменяют его (глина является более или менее пористой, дерево – более или менее сопротивляющимся); и формы никогда не являются фиксированными шаблонами, но детерминированы *сингулярными особенностями* материала, которые предполагают имплицитные процессы деформации и трансформации (железо тает при высоких температурах, мрамор или дерево раскалываются по их прожилкам и волокнам). ...По ту сторону препарированной материи лежит энергетическая материальность, пребывающая в непрерывном изменении, а по ту сторону фиксированной формы лежат качественные процессы деформации и трансформации в непрерывном развитии»⁶.

Тогда в первую очередь должен рассматриваться сам процесс. Онтогенез истолковывается не как генезис индивидуального, а как становление живого существа. Причем такое становление не следует понимать в виде четко заданного «фрейма», где – как в клетке – обитает подобное существо. Становление, скорее, выступает как одно из измерений такого существа, допуская изначальную несовместимость с подобным «фреймом». Становление – не череда событий, происходящих с живым существом, ибо такое предположение уже допускало бы, что последнее изначальное дано, изначальное субстанциально. Нет такой точки, к которой живое су-

⁶ *Smith Daniel W.* Deleuze's Theory of Sensation: Overcoming the Kantian Duality // *Deleuze: A Critical Reader*. Edited by Paul Patton. Massachusetts, 1996. P. 43.

щество могло бы вернуться и где бы оно оставалось полностью самотождественным. То есть единство живого существа состоит не в его самотождественности, а в его саморазличенности. Такому единству можно было бы приписать эпитет «трансдуктивное», ибо оно вечно разрывает собственные связи со своим центром, т. е., в современной терминологии, децентрируется. И тогда индивидуация подобного существа перестает быть синтезом, возвращающим к некоему единству, а является процессом, предполагающим не возврат к центру, а, скорее, некую рекурсию, включающую в себя перманентные инновации. Такие инновации следует мыслить не посредством индукций или дедукций, они, прежде всего, предполагают именно трансдукцию. Симондон пишет: «Индивид должен пониматься как нечто, обладающее относительной реальностью, занимающей лишь определенную фазу всего рассматриваемого существа в целом – фазу, несущую внутри себя предшествующее до-индивидуальное состояние и (даже после индивидуации) не существующую в изоляции, ибо индивидуация не исчерпывается в одном единственном акте своего проявления, то есть в ней присутствуют все потенциальности, воплощенные ее в до-индивидуальном состоянии»⁷.

Итак, живое существо не может быть описано ни в терминах субстанции, ни в терминах материи и формы, скорее, оно может быть представлено «как туго растянутая и перенасыщенная система, существующая на более высоком уровне, чем само целое, кое является недостаточным в себе и не может быть адекватно концептуализировано согласно принципу исключенного третьего»⁸. То есть оно всегда пребывает не в стабильном, а, скорее, в «мета-стабильном равновесии». Согласно Симондону, осмысляя живое существо как пребывающее в стабильном равновесии, мы не способны ухватить становление, ибо такое состояние предполагает, что все потенциальности подобного существа (по сути дела виртуальные) всегда остаются актуальными. Тогда, говорит Симондон, живое существо представляет собой систему, находящуюся на самом низком энергетическом уровне и не способную подвергаться каким-либо дальнейшим трансформациям. «Симондон конструирует становление индивидуации как некий театр, где

⁷ *Simondon G. L'individu et sa genese physico-biologique. Grenoble-Paris, 1995. P. 22.*

⁸ *Ibid. P. 23.*

присутствует не предустановленный смысл того, что является физически возможным (в терминах связи организма и внешнего окружения). Более того, Симондон жестко критикует кибернетическое моделирование систем, поскольку живое существо вовсе не действует функционально как стабильная сущность, чье поведение направлено лишь на то, чтобы определяться устанавливанием совместимости между собственными разнообразными потребностями, благодаря коим оно могло бы обрести собственную формулу сложного равновесия, составленного из более простых равновесий. Для Симондона индивидуация всегда выступает как некое “усилие”, имея в виду то, что последняя не сводится только лишь к функционализму. Следовательно, процесс индивидуации не совпадает с *производством*. ... Живое существо способно развиваться благодаря тому, что обладает “внутренним резонансом” со своей средой, причем оно никогда пассивно не адаптируется к среде. Следовательно, отношение индивидуации вовсе не является отношением отдельных индивидов, но всегда выступает как некий аспект внутреннего резонанса, характеризующий систему индивидуации. Такой резонанс требует непрерывной коммуникации и поддержания метастабильности как предусловия становления»⁹. Итак, индивидуация отсылает не просто к индивиду, но, скорее, к внутренним модальностям существа, которые как конституируют индивидов, так и разлагают их. Факторы и процессы индивидуации предшествуют элементам конституированного индивида, таким как, например, материя и форма, виды и роды. Это говорит о том, что последние обладают независимой «эволюцией».

* * *

И в этом пункте, как кажется, следует обсудить подробнее то, что Симондон подразумевает под технической индивидуацией. Такое обсуждение будет опираться на доклад Симондона «Техническая индивидуация» с соответствующими комментариями¹⁰.

⁹ *Pearson K.P.* Germinal life. The difference and repetition of Deleuze. L.–N.Y., 1999. P. 91.

¹⁰ *Simondon G.* Technical individualization.

Обсудив индивидуацию живых систем, Симондон обращается к индивидуации технических существ, причем последняя согласно философу, является условием технического прогресса. Согласно философу, такая индивидуация возможна благодаря рекурсивной причинности в той среде, какую техническое существо создает вокруг себя. Именно окружающая среда обуславливает техническое существо, которое, в свою очередь, само обуславливает данную среду. Данную окружающую среду – являющуюся как технической, так и естественной, – можно называть ассоциированной средой¹¹. Благодаря ассоциированной среде техническое существо оказывается само-обусловленным в собственном функционировании. Такая среда не производится, или, по крайней мере, не полностью производится, а предполагает, скорее, особый режим существования природных элементов, окружающих техническое существо, кое сопряжено с иным режимом существования его собственных элементов. Ассоциированная среда опосредует отношение между промышленными техническими элементами и природными элементами, внутри которых функционирует техническое существо.

Изобретенный технический объект зависит от своего существования в ассоциированной среде. Лишь те технические объекты, которые требуют ради собственного функционирования ассоциированную среду, следовало бы назвать, согласно Симондону, изобретениями. Изобретаемые объекты получают собственную форму не постепенно через последовательные стадии эволюции, но существуют либо как некое целое, либо вообще никак. Связанные с миром природы технические объекты вводят особого рода рекурсивную причинность, благодаря которой они только и могут быть изобретены, а не постепенно конституированы именно потому, что сами выступают в качестве причины собственных условий функционирования. Их жизнеспособность задается лишь тогда, когда разрешается проблема создания подобных условий, т. е. когда они сосуществуют с собственными ассоциированными средами.

¹¹ Следует отметить, что словосочетание «ассоциированная среда» активно используется Ж.Делёзом и Ф.Гваттари в построении собственного концептуального аппарата.

Именно поэтому наблюдается своего рода прерывность в истории становления технических объектов по отношению к их абсолютному происхождению. Только творческое воображение может произвести эффект подобного рекурсивно-временного обуславливания. Элементы, материально составляющие технический объект еще до конституирования последнего, существуют по отдельности и не имеют ассоциированной среды. Им следует сорганизоваться согласно рекурсивной причинности, которая и проявляется, лишь только объект конституируется. Вот случай подлинного существа, обусловленного будущим. Будущее, как функция, весьма редко может обосновываться случайностью. Оно активизируется организацией элементов ради выполнения определенных требований, стягивающих все в некое целое и, одновременно, задающих направление и играющих роль «символизирующего» в будущем ансамбле, который должен еще стать неким существом.

Такая схема творческого воображения напоминает некую роль, разыгрываемую в отсутствие актуального актера. Она вводит единство в будущую ассоциированную среду, где развиваются причинные отношения, обеспечивая функционирование нового технического объекта. Симондон указывает на сходство между движением мысли и становлением технических объектов. Ментальные схемы в ходе изобретения взаимодействуют так же, как сообщаются действия технического объекта посредством материальных реакций. Единство ассоциированных сред технического объекта, по Симондону, аналогично единству живого существа. В процессе изобретения единство технического существа являет собой согласованность ментальных схем именно потому, что последние существуют и действуют в живом существе, тогда как те, что противостоят друг другу, исчезают. Именно потому, что технические существа являются индивидами и предполагают связанные с ними ассоциированные среды, они и могут быть изобретены. Как раз на способности живых существ само-обуславливаться базируется способность создавать объекты, кои сами себя обуславливают. Симондон полагает, что от внимания психологов ускользнул как анализ изобретательного воображения, которое не является ни схемой, ни формой, ни операцией, благодаря которым последнее устанавливается в себе. Они упустили то подвижное основание, на которой эти схемы противостоят друг другу и в котором они

участвуют. Психология форм учитывает только функции целого, но приписывает силу самой форме. Симондон говорит о более детальном анализе творческого процесса, демонстрирующего то, что главную роль играют не формы, а то, что поддерживает или несет формы, т. е. некое основание¹². Мы постоянно забываем, что основание обладает определенным динамизмом. Оно обеспечивает существование системы форм. Формы принимают участие не в других формах, а только в основании. Последнее является системой всех форм, или, скорее, общий резервуар тенденций форм, прежде чем те вообще начинают существовать как отдельные объекты и выстраиваться в некие очевидные системы. Сопричастность формы и основания является тем отношением, кое вибрирует между актуальными настоящими и насыщает их потенциальным влиянием будущего, то есть влиянием виртуального на актуальное¹³. Ибо основание представляет собой систему виртуальностей, потенциалов и сил, тогда как формы образуют систему актуального. Изобретение – это то, что принимает на себя весь заряд актуального благодаря системе виртуального.

Формы пассивны, ибо репрезентируют актуальность, но они становятся активными, когда организуют себя по отношению к основанию, тем самым актуализируя предыдущую виртуальность. Конечно же, трудно выявить тот путь, каким система форм может участвовать в виртуальном основании¹⁴. Можно лишь сказать, что подобное имеет место в том же режиме причинности, какой существует в отношениях между каждой из структур, полагаемых техническими объектами и динамизмами ассоциированной среды. Такие структуры пребывают в ассоциированной среде и определяются ею, как и отдельное существо определяется благодаря структурам других технически существ. Структуры, каждая как может, также отчасти определяют технический объект. Технические среды по отдельности задаются каждой структурой и, в свою очередь, определяют эти структуры в глобальном масштабе, путем предоставления энергетических, тепловых и

¹² В терминологии Ж.Делёза: «темный предшественник».

¹³ Что также является одной из основных тем философствования Ж.Делёза.

¹⁴ Возможности ответов на подобные вопросы можно найти в текстах С.Курдюмова и Е.Князевой, относящихся к осмыслению синергетического направления в науке.

химических условий для их функционирования. Между средой и структурой есть рекурсивная причинная связь, но такая рекурсивность не симметрична. Среда принимает на себя роль информации: она саморегулирует средства информации или энергии, уже управляемой информацией (к примеру, вода, текущая более или менее быстро, оказывает больший или меньший охлаждающий эффект на картер). Тогда как ассоциированная среда гомеостатична, структуры оживляются не только рекурсивной причинностью, но и каждая движется собственным путем.

Итак, между жизнью и мыслью имеется определенное родство. Любое жизнеспособное существо принимает участие в жизни других живых организмов. Речь идет далеко не только об очевидных и определенных структурах организма, играющих наиболее активную роль в жизни (типа крови, лимфы или соединительных тканей). Индивид состоит не только из набора взаимосвязанных органов, дабы формировать некую систему. Он также скомпонован из того, что не является ни органом, ни структурой живой материи, поскольку конституирует ассоциированную среду для органов. Живая материя и есть основа органов. Это то, что связывает последние, дабы создать их них организм. Это то, что поддерживает основные термические и химические равновесия, в коих органы производят неожиданные, случайные, но ограниченные варианты. Органы участвуют в теле¹⁵. Живая материя далека от того, чтобы быть чисто неопределенной или чисто пассивной, она не является слепым стремлением. Она – транспортное средство для несущей информацию энергии. Точно так же мысль состоит из различных структур, таких как представления, образы, воспоминания, восприятия и т. п. Но все эти элементы участвуют в основании, которое дает им направление, гомеостатическое единство, и которое передает информацию-энергию от одного к другому и от каждого ко всем. Можно сказать, что основание является имплицитной аксиоматикой, где вырабатываются новые системы форм. Без основания мысли не существовало бы и мыслящего существа, а только лишь серия прерывистых представлений без взаимосвязи. Основание – это ассоциированная ментальная среда форм. Это опосредующий термин между жизнью и сознательной мыслью, так же как ассоциированная среда технического объекта является опосредую-

¹⁵ Здесь также уместно вспомнить размышления Делёза о «теле без органов».

щим термином между миром природы и искусственно созданными структурами технического объекта. Мы можем создавать технические существа именно потому, что в самих себе обладаем отношением «материал–сила», во многом аналогичный тому, каковое мы устанавливаем в техническом объекте. Связь между мыслью и жизнью аналогична соотношению между структурированными техническими объектами и миром природы. Индивидуальный технический объект – это объект, который изобретается, который, так сказать, производится благодаря игре рекурсивной причинной связи между жизнью и мышлением человеческого существа. Объект – ассоциированный исключительно с жизнью или с мышлением – не является техническим объектом (он, скорее, является инструментом или прибором), если у него нет внутренней согласованности, если он не обладает ассоциированной средой, основанной на рекурсивной причинности.

* * *

Итак, Симондон утверждает, что технический индивид существует там, где есть ассоциированная среда, коя является непрерывным условием его функционирования. Если это не так, то имеется лишь некий технический ансамбль, или совокупность.

Симондон приводит пример лаборатории, направленной на изучение физиологии ощущений. Философ ставит вопросы: является ли аудиометр техническим объектом? или же аудиометр – это технический индивид? Ответ будет отрицательным, если рассматривать аудиометр вне связи с блоком питания, наушниками, а также динамиками, предназначенными для акустической передачи. То есть аудиометр, с одной стороны (первая ситуация), помещен в определенные температурные условия, а также условия напряжения и уровня шума ради получения стабильных частот необходимых для измерения уровня порогов звука. С другой стороны (вторая ситуация), следует принять во внимание коэффициент поглощения звука комнатой, а также эффекты резонанса и различия частот. Лабораторное окружение также выступает частью всего устройства (первая ситуация), но, по большому счету, аудиометрия требует либо того, чтобы испытания проводились в открытом про-

странстве, либо же (вторая ситуация) в звуконепроницаемой комнате с подвесным антимикрофонным потолком и стекловолоконной изоляции на стенах. В таком случае, является ли аудиометр тем прибором, какой, например, можно приобрести у поставщиков или построить самому? Именно в соединении с иными техническими формами он обретает относительную индивидуальность: он состоит из двух высокочастотных генераторов, один из которых задает постоянную частоту, а другой переменную. Так, две низкие частоты производят звуковой сигнал, благодаря чему аттенюатор позволяет контролировать интенсивность стимулов. Ни один из генераторов не является техническим объектом, поскольку требует стабильного катодного и анодного напряжений. Нужна электронная схема, дабы обеспечить подобную стабилизацию, причем такая система действует по принципу рекурсивной причинности, т. е. являет собой среду, ассоциированную с техническими формами генераторов. Надо сказать, что подобная ассоциированная среда не столь уж является таковой. Скорее, она выступает в качестве средства адаптации, позволяющего генераторам избегать обусловленностей со стороны естественной и технической внешней среды (первая ситуация). Внешняя среда может стать по-настоящему ассоциированной средой, если случайная вариация в частоте одного из генераторов вызывает изменение напряжения питания, противодействующего такой вариации. Тогда возникает рекурсивный взаимообмен между регулируемым источником питания и генераторами, в результате чего образуется самостабилизация совокупности технических структур (вторая ситуация).

Теоретическая и практическая разница между этими двумя ситуациями весьма велика. Действительно, если энергия стабилизируется без рекурсивных отношений причинности с генераторами, то ограничение или расширение влияния такой энергии ничего не меняет. Можно, например, подключить и третий генератор к тому же источнику питания, не нарушая его функционирования, пока наблюдается нормальная работа устройства. И наоборот, дабы обеспечить эффективную регулируемую обратную связь, следовало бы подключить лишь одну структуру к единственной ассоциированной среде. Тем не менее случайно выбранные противоположные вариации двух структур, кои не связаны синергетически с одной и той же средой, могут ком-

пенсировать друг друга, не приводя к регулируемому взаимодействию. Однако связанные с одной и той же средой структуры должны функционировать синергетически, что и объясняет, почему аудиометр komponуется как минимум из двух отдельных частей, не способных самостоятельно стабилизироваться одной и той же ассоциированной средой, т. е. частотой генератора, с одной стороны, и усилителем-аттенуатором, с другой. Взаимодействия между генератором и усилителем-аттенуатором следует избегать, поскольку есть два отдельных источника энергии, и есть поверхность, разделяющая две структуры, дабы защитить обе стороны от любого электрического или магнитного поля. В то же время материальная организация аудиометра не выступает в качестве его функционального предела. Усилитель-аттенуатор, как правило, расширяет свое функционирование благодаря акустической генерации в комнате или в ухе испытуемого, в зависимости от того, будет ли субъект связан с системой динамиков или же с наушниками. Именно в этом случае следует говорить об относительной индивидуации технических объектов. Тогда мы сталкиваемся с особой проблемой: согласованность технического ансамбля увеличивается, если мы предполагаем, что ансамбль состоит из под-ансамблей, обладающих одним и тем же уровнем относительной индивидуации. То есть рассматриваемая здесь лаборатория вовсе не ориентирована на объединение двух генераторов-аудиометров и усилителей-аттенуаторов. Скорее, речь идет о группировании двух генераторов так, чтобы оба – одновременно и пропорционально – подвергались воздействию со стороны изменения напряжения и температуры. В таком случае, изменения на низких частотах – из-за двух взаимосвязанных изменений частоты генератора – будут сведены к абсолютному минимуму, учитывая, что две основные частоты будут увеличиваться или уменьшаться в тандеме. Тем не менее сама логика функционального единства генератора предполагает наличие разных источников питания, дабы привести питание первого генератора к одной фазе, а второго генератора к другой, что и установило бы самостабилизирующий эффект компенсации двух вариаций, кои и придают всему ансамблю (скомпонованному благодаря двум генераторам) высокий уровень стабильности. Отсюда и возникает идея подключения генераторов к другой фазе сети, отличной

от той, к которой подключен усилитель-аттенюатор, дабы избежать изменений в анодном потреблении усилителя, влияющем на напряжение питания от генератора.

Приводя, довольно подробно, данный пример лаборатории, Симондон пытается показать, что принцип индивидуализации технических объектов в ансамбле требует наличия под-ансамблей, компонуемых рекурсивной причинностью в ассоциированной среде. Все технические объекты, чьи ассоциированные среды обрисовывают рекурсивную причинность, должны быть отделены друг от друга и объединены так, чтобы обеспечить независимость их ассоциированных сред. Значит, подгруппы генераторов не должны обладать только лишь источником питания, отличным от усилителя-аттенюатора. Их соединение должно быть автономными. Усилитель должен обладать крайне высоким входным сопротивлением по сравнению с выходом генератора так, чтобы эффект от усиления на генераторах оставался ничтожным.

Ансамбль более высокого уровня, включающий в себя все под-ансамбли, определяется своей способностью свободно реализовывать любое относительное размещение последних без ущерба для автономии индивидуализированных под-ансамблей. Все направлено на то, чтобы обеспечить независимость под-ансамблей и, в то же время, допустить необходимые комбинации между их функционированиями. В этом состоит функциональная роль ансамбля второго уровня, который Симондон и называет лабораторией: использование результатов функционирований без допущения взаимодействия между условиями функционирования¹⁶.

Тогда встает вопрос относительно того, когда возникает индивид: на уровне под-ансамблей или на уровне самого ансамбля? Ответ кроется в представлении о рекурсивной причинности. Действительно, на уровне ансамбля (т. е., в данном случае, на уровне лаборатории) подлинной ассоциированной среды не существует. Если ассоциированная среда и существует, то не целиком, а лишь в некоем отношении. Допустим, наличие генераторов в помещении, где имеет место аудиометрическое тестирование, вызывает деятельность органа слуха через раздражение. Генераторы, использующие трансформаторы, издают раздражающий вибрирующий

¹⁶ Подобная лаборатория может, при определенных обстоятельствах, рассматриваться как пример «сетевой лаборатории» Брюно Латура.

звук. Генераторы с сопротивлениями и емкостями производят слабый звук. Для проведения контролируемого эксперимента, следует поместить оборудование в соседнюю комнату и управлять им издали, либо же исследуемый должен быть изолирован в звукопроницаемой комнате. То есть, ансамбль более высокого уровня, именуемый лабораторией, составляется из не соединенных друг с другом устройств и избегает случайного создания ассоциированных сред. Отличие технических индивидов от ансамбля состоит именно в том, что одной ассоциированной среды мало. Ансамбль включает в себя определенное число устройств, ориентированных на то, чтобы остановить формирование только лишь одной ассоциированной среды. Он противостоит внутренней конкретизации технических объектов, кои он сам и содержит. Ансамбль лишь использует результаты функционирования последних, не допуская их совместного функционирования.

И тогда опять встает вопрос: могут ли существовать группы с разной индивидуальностью, располагающейся ниже уровня технических объектов? Если тут и возможен положительный ответ, то лишь в том случае, что у данного типа индивида не та же структура, что у технического объекта, связанного с ассоциированной средой. Подобный тип индивидуации предполагает, согласно Симондону, многофункциональный ансамбль без позитивной ассоциированной среды, т. е. без саморегулирования.

Более того, имеют место и инфра-индивидуальные технические объекты, кои следовало было бы также назвать техническими элементами. Они тоже отличаются от истинных индивидов тем, что не имеют ассоциированной среды, но, тем не менее, способны интегрироваться в индивида. К примеру, горячая катодная лампа – это скорее технический элемент, нежели заверченный технический индивид. Ее можно сравнить с органом живого тела. Следуя этой линии мышления, можно было бы определить общую органологию, которая изучала бы технические объекты на уровне элемента, что стало бы подобластью технологии, подобно механологии или изучению заверщенного технического индивида.

* * *

Подведем некий итог предыдущим рассуждениям, цель которых, как говорилось, состоит в показе того, что можно понимать под «сложностным» восприятием мира, отодвигающим в сторону отношение «материя–форма» и предлагающим, взамен, отношение «материал–сила».

Итак, согласно Симондону, термин «индивидуация» обозначает процесс генезиса, ведущего к конституции сущности или некоего существа. Данная перспектива противостоит как субстанциалистской точке зрения, рассматривающей существо как детерминированное его собственной сущностью, так и гиломорфической точке зрения, рассматривающей существо как произведенное благодаря встрече материи и формы.

Термин «существо», или «индивид», в терминологии Симондона, указывает вовсе не на некую конечную стадию, но на сущность, пребывающую в середине процесса генезиса. «Индивид – это то, что было индивидуализировано и продолжает индивидуализировать себя»¹⁷. Индивид представляет собой здесь абстрактную и родовую сущность. Термин «доиндивидуальное» обозначает перенасыщенное состояние, состояние – меньшее, чем единство, и больше, чем идентичность, – из которого и проистекает динамический процесс, понимаемый как своего рода растяжение начального сложного конгломерата. Именно такой процесс может развернуть работу индивидуации. К тому же, после того, как имел место процесс индивидуации, остается определенное измерение архетипической доиндивидуальности, допускающее возникновение новых подобных процессов. Доиндивидуальное перенасыщение задает условия для функциональной диссимметрии, которое Симондон называет несопоставимостью, гранью неопределенности, на которую постоянно приходится метастабильное состояние равновесия внутри индивида.

Начиная с такого состояния несопоставимости формируется резонансный процесс в более широких масштабах, отвечающий за возбуждение трансиндивидуальных отношений. Образуется некая коллективность, понимаемая не только как группирование ансам-

¹⁷ *Simondon G. L'individu et sa genese physico-biologique. Grenoble–Paris. 1995. P. 197.*

для индивидов, полностью индивидуализированных прежде, но и как процесс, подразумевающий фрагментарное множество доиндивидуальных потенциалов. То есть коллективность является не измерением, существующим до индивидуализированных существ, но реальностью, которая индивидуируется в ходе особых процессов индивидуации.